

VII

МИР С АВСТРИЕЙ

(2 мая—2 июня 1919 г.)

Настоящую главу точнее следовало бы назвать «Пrelиминарные условия мирного договора с Австрией»; в ней содержатся отрывки из моего Дневника, начинающиеся 2 мая—днем получения нами в Риме известия о том, что союзники и присоединившиеся к ним державы, не предупредив нас, пригласили австрийцев для вручения им мирных условий; выписки эти заканчиваются 2 июня, когда эти условия, либо отдельные места из них были действительно вручены австрийцам в Сен-Жермен-ан-Лэ¹.

Когда приглашение, подписанное Клемансо от имени Верховного совета и союзных и присоединившихся к ним держав, было отправлено австрийцам, ни одно из условий мира с Австрией не обсуждалось еще Верховным советом; если же это и имело место, то Италия, как и в момент приглашения австрийцев, не получала об этом никаких сведений.

7 мая, в день возвращения итальянской делегации в Париж, мирные условия были вручены Германии. По окончании заседания с немцами в том же Трианонском дворце² собрались Четверо, и Франция и Англия поделили между собой богатую колониальную добычу, доставшуюся им от Германии. После чего, так же как и на утреннем заседании, в течение небольшого промежутка времени было решено приступить к обсуждению условий мира с Австрией.

То, что больше всего интересовало Францию, Англию и Соединенные Штаты на мирной конференции, было уже ими получено: Вилсон и Ллойд Джордж желали поскорее покинуть Париж, где единственным и главным образом их удерживала необходимость узнать, подпишет ли Германия продиктованные ей условия.

Условия мира, которые должны были быть продиктованы Австрии, были сформулированы в период этой неуверенности и изучения тех проблем, которые могли бы возникнуть в случае отказа немцев, в период бессистемного и частичного рассмотрения положения, создавшегося в Турции и России. В качестве образца были приняты условия, сформулированные для предъявления Германии, за исключением изменений и смягчений, продиктованных особыми обстоятельствами, равно как и изменений, вызванных раз-

решением особых проблем, возникших вследствие развала австро-венгерской монархии, главным образом проблемы создания новых государств.

Ллойд Джордж, которому еще больше, чем Вильсону, хотелось уехать из Парижа, активно принялся за дело и при помощи своего бесподобного секретаря полковника Хэнки привел в действие механизм, менее чем в месячный срок выработавший мирные условия, предъявленные Австрии 2 июня.

На нижеследующих страницах показан полностью этот механизм: совещания Четырех, происходившие почти ежедневно утром и днем, главным образом в доме президента Вильсона, где были приняты важнейшие решения; совещания министров иностранных дел, состоявшиеся на Кэ д'Орсе; на которых обсуждались менее важные вопросы, но временами не без горячих дискуссий. Остальная работа выполнялась различными комиссиями, которые под руководством Четырех или Пяти вырабатывали резолюции для передачи в редакционный комитет с целью их превращения в статьи договора, требовавшие, однако, последующего окончательного одобрения Четырех.

Среди этих комиссий особенный интерес представляла для нас комиссия «версальских военных», а именно: военных советников и экспертов Высшего совета, учрежденного в Рапалло, местопребывание которых находилось в Версале; затем комитет для выработки экономических, финансовых и репарационных статей и комитет по территориальным делам и делам южных славян.

Я привожу подробные отчеты заседаний Четырех, на которых я неизменно присутствовал; отрывки из отчетов заседаний Пяти, о которых я имел сведения или на которых я также присутствовал, когда не бывал занят на заседаниях Четырех; и привожу сведения о важнейших решениях, выработанных комиссиями.

К моим протоколам, в большей своей части почти буквально согласующимся с протоколами Хэнки, относится то, что было мною сказано в предисловии.

Но если Хэнки сгладил в своих заметках резкости и пафос импровизаций, я и здесь в точности сохранил резкие выражения, сопровождая их иногда примечаниями внешнего характера, подчеркивающими и истолковывающими значение действительно произнесенных слов.

Среди приводимых мной главнейших дискуссий можно найти обсуждение вопроса о военном статуте Австрии, первоначальное разоружение, которое, по мысли Ллойд Джорджа, должно было быть распространено и на другие балканские государства или близкие к ним страны (как дружественные, так и экснеприятельские)—Югославию, Венгрию, Болгарию, Чехо-Словакию, Грецию, Румынию, Польшу,—обсуждение это было прервано, вследствие чего ни одна военная статья, даже та, которая относилась к Австрии, не была представлена 2 июня.

Затем читатель найдет отрывочную запись совещаний, касающихся финансовых и репарационных статей; особое значение имеет запись о бывшем австро-венгерском тоннаже с дополнением, относящимся к адриатическим портам, на

чем энергично настаивал премьер Орландо и на что не менее энергично нападали Ллойд Джордж и Клемансо. Финансовые и репарационные статьи также не были закончены и не были представлены 2 июня.

Заслуживает особого внимания забота Соннино о том, чтобы Триест был связан удобными железнодорожными путями с центром Европы, минуя территорию Югославии. Это послужило причиной резких дискуссий касательно бассейна Клагенфурта и треугольника Асслинга; на этих дискуссиях теория Вильсона о принципе национальности пришла в столкновение с непрерываемыми фактами экономического порядка. Вопросы эти также не были разрешены или, если это частично имело место, как, например, в отношении вопроса о Клагенфурте, обсуждение их было прервано в последний момент, за несколько минут до предъявления мирных условий в Сен-Жермене. Это служит явным доказательством, если оно вообще нужно, трудности вопроса, неутомимой деятельности новых государств, нерешительности Вильсона при спешной выработке решений накануне предстоявшего вручения австрийцам мирных условий, — вручения, откладывавшегося три раза в течение одной недели и, наконец, состоявшегося 2 июня.

Тем не менее, к этому дню был подготовлен и предъявлен в последний момент (хотя ему и угрожала опасность срыва) пункт мирного договора, предусматривавший передачу Италии линии Альп: граница Бреннера и самая северная вершина, называемая «Vetta d'Italia» [«Итальянская вершина»], что само по себе является верным свидетельством, вопреки английским и американским суждениям, совершенной оправданности нашего требования. Об этой капитальной для нас важности статьи я подробно говорю в примечании, содержащем детальные сведения о том, каким образом по распоряжению Вильсона в одном, визированном им самим, решении Совета Четырех была сделана при определении границы Бреннера ссылка на то, что Вильсон именовал «так называемым» Лондонским договором, одно упоминание которого приводило его почти в эпилептическое состояние.

Здесь, как и в других главах, можно найти также психологические соображения, подтверждающие блестящие импровизации и тонкие политические ходы Ллойд Джорджа, грубую прямолинейность Клемансо, вытекающую отчасти из его исключительного преклонения перед французским отечеством, хотя и свидетельствующую о его недалекости в смысле установления в будущем отношений со старшей латинской сестрой; враждебное упорство Вильсона, у которого я не хотел бы, однако, а priori отрицать наличие некоторой абстрактной квакерской справедливости, хотя и ослабленной незнанием многих фактов и большими проблемами в области понимания исторических событий и человеческих отношений.

Желание притти к какому-либо заключению заставило британского премьер-министра внести предложение о том, чтобы мирные условия, хотя бы в незаконченном и неотпечатанном, а только переписанном на машинке виде, были вручены Австрии.

В то же время (хотя я и опустил почти полностью всю ту часть дискуссии, содержащуюся в моем Дневнике и моих протоколах, которая не имеет специального отношения к Италии, ограничившись схематическим указанием предметов обсуждения) я не счел возможным выбросить некоторые записи,

сделанные в мае 1919 г., которые я считаю особенно характерными, хотя они несколько не относятся к миру с Австрией, являющемуся предметом настоящей главы.

С тем большим основанием привел я во всей полноте возобновившуюся дискуссию между Четырмя по адриатической проблеме (Фиуме и Далмация), упомянув также о некоторых официозных переговорах, направленных к разрешению итало-югославской проблемы, каковая ввиду неизменности ситуации, существовавшей в апреле и в течение предыдущих месяцев, всецело подчиняла себе и в мае действия и помыслы наших представителей, стремившихся к достижению соглашения не только ради решения проблемы самой по себе, но и ввиду ее влияния на внутреннее положение Италии.

Равным образом не считал я возможным опустить переговоры, быть может, наиболее трагичные, происходившие в мае между Четырмя по вопросу о Малой Азии. Предмет этот связан для нас с общей проблемой наших требований, в том числе и адриатических. Дискуссия и деятельность, связанные с вопросом о Малой Азии, казалось, усилили истинность Вильсона и углубили дипломатическое искусство Ллойд Джорджа; они, по мнению благородного английского солдата—маршала Генри Вильсона, представляли собой нечто «бессмысленное, безумное, гадкое», а наиболее компетентный и преданный президенту Вильсону американский историк Р. Стеннард Бэкер называет их «грязным делом» и «постыднейшей нитригой конференции».

Рим, пятница, 2 мая 1919 г.

Из Парижа получена телеграмма за подписью Креспи, Имперали, Бонина, Челлере, Де Мартино, в которой извещается, что Пишон вызывал вчера Бонина на Кэ д'Орсе.

«Предупредив, что он говорит в качестве министра иностранных дел, Пишон заявил Бонину, что вследствие задержки в редактировании договора он будет предъявлен немцам во вторник, 6 мая, вместо субботы, 3 мая. Только в этот день произойдет первая встреча между союзными уполномоченными по переговорам и германскими представителями. Пишон намеренно подчеркивал это обстоятельство, заметив несколько раз во время беседы, что нам не следовало ни под каким видом покидать конференцию.

Бонин, приняв к сведению это сообщение, коснулся слухов о предстоящем признании Сербо-хорвато-словенского королевства, в связи с чем он сегодня утром послал частное письмо Пишону. Пишон ответил, что вопрос о признании будет почти наверное поставлен при проверке полномочий, каковые будут предъявлены южными славянами под вышеуказанным наименованием. Нельзя было, сказал министр, отвергнуть их полномочий по этим мотивам. Бонин настаивал на том, что это произведет скверное впечатление в Италии; но он вынес убеждение, что редактированные таким образом полномочия будут приняты, что повлечет за собой признание.

Во время беседы Пишона вызвал Клемансо, ушедший на заседание Трех. Возвратившись и вновь указав, что он говорит в качестве министра иностранных дел, а не как член конференции, Пишон сказал Бонину, что австрийцы и венгры приглашены на 12 или 15 мая в Сен-Жермен для обсуждения мирных условий.

Бонин выразил свое полное горечи удивление и отметил серьезность

шага, заключающегося в том, что нашему главному врагу, против которого мы, почти никем не поддерживаемые, вели войну, наши союзники предъявляют мирные условия без нашего участия.

Кроме нескольких указаний на то, что с австро-венграми переговоры будут вестись, главным образом, по вопросам, касающимся не наших границ, Пишон не пытался выставить никаких доводов в защиту этого решения, которое, очевидно, было ему самому сообщено лишь в последнюю минуту, когда дело было уже сделано.

Бонин откровенно высказал все свое огорчение, сказав Пишону при расставании, что он не думал, чтобы после четырех лет совместного участия в войне можно было дойти до этого».

Готовлю ноту протеста. Она основана, главным образом, на Лондонской декларации от 26 апреля 1915 г., согласно которой французское, британское, итальянское и русское правительства обязуются «не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны... Четыре правительства устанавливают, что при обсуждении условий мира ни одна из союзных держав не может предъявить мирных условий без предварительного согласования с каждым из остальных союзников».

Соннино решительно высказывается против моей редакции, затем вносит небольшую поправку. Орlando смягчает.

В последней редакции ноты в заключение говорится, что в деле установления «мира с Австрией и Венгрией Италия представляет наиболее заинтересованную из пяти великих держав и что никакого соглашения, касающегося территориальных условий, равно как и всех других вопросов, не достигнуто. Королевское правительство вынуждено поэтому указать союзным правительствам, что значение этого акта нельзя согласовать с договорами, заключенными между союзниками и являющимися основой союза».

Нота послана французскому и английскому посольствам в Риме и сообщена нашим в Париже с указанием использовать ее при переговорах.

Суббота, 3 мая.

.....

Воскресенье, 4 мая.

Сегодня в помещении Августео* большая демонстрация.

Говорит мэр города Рима Просперо Колонна, предлагая резолюцию, в которой между прочим содержится категорическое предупреждение «союзным правительствам не предъявлять немецким делегатам мирных условий в отсутствие Италии, каковой акт был бы равносителен формальному нарушению Лондонской декларации».

Резолюция принята единогласно.

Затем говорит д'Аннунцио. В некоторых местах он удивителен. Бурная речь.

Между прочим он говорит: *«Без нас они сыграли фарс объединения в Лигу—объединения, которое разъединяет»* (фраза эта была вычеркнута цензурой). *«Они замышляют подписать без нас этот клочок бумаги, который у них называется справедливым миром. Без нас они уже готовятся извлечь выгоду из нашей нерешительности и нашей медлительности»*. *«Итак, я говорю, если наши руководители возвратятся на те скамьи, все будет потеряно, даже честь»* (фраза вычеркнута цензурой).

Одновременно происходит заседание совета министров. По окончании заседания Соннино телеграфирует в Париж:

«Для Империали, Бонина, Челлере. Прошу ваши превосходительства передать французскому, британскому и американскому правительствам нижеследующее вербальное сообщение: „Получив полнейшее подтверждение доверия, которое парламент* и страна оказывают королевскому правительству в деле осуществления более широких национальных стремлений к освобождению и обеспечению безопасности, не желая усугублять в настоящий столь серьезный момент сложное политическое и моральное положение Европы каким-либо положительным или отрицательным актом, могущим послужить кому бы то ни было мотивом и предлогом для оттяжки заключения всеми ожидаемого мира, и полагаясь на заверения союзных правительств и доброе желание облегчить заключение соглашения, могущего ко всеобщему удовлетворению и в общих интересах разрешить деликатные вопросы, интересующие Италию в Адриатике,—председатель совета министров и я решили выехать завтра (в понедельник) вечером в Париж, куда мы прибудем не ранее, чем во вторник вечером, в надежде принять участие в первом заседании с германскими делегатами. Мы надеемся, что заседание это возможно будет перенести на среду, что позволит нам на нем присутствовать. Прошу подтвердить получение настоящей телеграммы“».

Понедельник, 5 мая.

Подтверждаю по телефону в Париж наш отъезд сегодня вечером.

Вчера в 11 часов послы сделали предписанные вчерашней телеграммой сообщения.

Едва Бонин сказал об этом на Кэ д'Орсе, Пишон «бросился» в автомобиль, чтобы уведомить об этом Трех.

Отъезд в Париж в 21 час. 30 мин.

* На заседании 29 апреля. Ср. прим. на стр. 235.

Вторник, 6 мая. В поезде.

Орландо говорит мне, что он обдумывает—нельзя ли выйти из положения следующим образом: Лондонский договор, арбитраж по вопросу о Фиуме.

Затем: «Надо подумать о замене Саландры и Сальваго в качестве членов делегации». Говорю: «Отчего бы не назначить Титтони?» Отвечает: «Да, но как убедить Соннино?»

Я говорю об этом Соннино. «Берегитесь! Берегитесь! Этот был бы хуже всех».—«Он умеет вести дела».—«Видно: Босния и Герцеговина! В Париже его все ненавидели».—«Потому что его боялись».

Париж, среда, 7 мая. Отель «Эдуард VII».

Прибыли в Париж в 8 час. 45 мин.

Хэнки написал Имперiali письмо, прося его уведомить Орландо по его прибытии, что Верховный совет (Четырех) соберется завтра в доме Вильсона в 11 часов.

По нашей просьбе встреча с немцами вчера не состоялась, она произойдет сегодня днем в Версале.

Орландо и я в 11 час. 15 мин. входим в знакомую комнату в доме Вильсона, где происходят совещания Четырех.

Там уже находятся Клемансо, Вильсон, Ллойд Джордж, Хэнки и Манту.

Присутствующие встают, приветствуя Орландо, который сдерживает свое негодование. Вильсон бледен, повидимому, испытывает замешательство; Клемансо смущен, нелюбезен; Ллойд Джордж, сердечно пожимая руку, смотрит в упор и испытывает Орландо и меня вопрошающим взглядом улыбающихся голубых глаз.

Ни слова о случившемся и о возвращении итальянской делегации.

Заседание, начатое до нашего прибытия, продолжается. Речь идет о польско-украинском перемирии⁴ и о России. Входит французский министр колоний Симон.

Симон.—Прошу извинить меня за непредставление документа, составление которого мне было поручено. Это требует большого внимания. Он еще не готов. Прошу дать отсрочку.

Ллойд Джордж.—Я телефонировал лорду Милнеру относительно колоний и надеюсь получить ответ в течение дня. Тем временем я просил бы г. Симона посоветоваться относительно этого документа с одним английским колониальным офицером, адъютантом лорда Милнера, который будет к его услугам.

(Вручает Симону документ.)

Говорю Орландо: «О чем идет речь? Следовало бы спросить об этом».

(Симон удаляется.)

Вильсон.—Я получил письмо от одного господина, называющего себя председателем совета министров и министром иностранных дел Черногории. Он просит предоставления ему места на дневном заседании конференции, напоминая, что Черногория была в войне с Германией.

Ллойд Джордж.—Черногорцы принимали участие на первом пленарном заседании?

Клемансо.—Они хотят быть в Версале сегодня.

Вильсон.—Я поднимаю вопрос не из-за нынешнего дня, но для того, чтобы знать, следует ли принять решение по отношению к ним до заключения договора с Австрией*.

(Все выражают согласие.)

Вильсон.—Я получил письмо также от одной американки, которая замужем за персом; она жалуется на то, что персы не были приняты во внимание при переговорах о мире.

Ллойд Джордж.—В Индии имеются магометане, заинтересованные в том, чтобы говорить о Константинополе и будущем ислама. Однако как персы, так и индусы не заинтересованы непосредственно в мире с Германией. Они могут быть выслушаны в свое время.

Вильсон.—Что мы будем делать после сегодняшнего заседания в Версале? Должны ли мы говорить о договоре с Австрией?

Клемансо.—Да, австрийцы приедут, венгров не будет.

Вильсон.—Австрийцы придут 12-го числа текущего месяца.

Клемансо передает Манту документ с просьбой зачитать его.

Манту читает документ, представляющий собой телеграмму французского представителя в Вене. Из него явствует, что австрий-

* О Черногории упоминалось в одном из Четырнадцати пунктов Вильсона, а именно в пункте XI, в котором сказано: «Румыния, Сербия и Черногория должны быть эвакуированы; оккупированные территории должны быть возвращены... Будут обсуждены международные гарантии, обеспечивающие политическую и экономическую независимость и территориальную целостность различных балканских государств».

Кроме того, Вильсон отправил в июле 1918 г. королю Николаю телеграмму с недвусмысленным подтверждением этого обещания: «Я надеюсь, что ваше величество и благородный и героический народ Черногории не дадут поработить себя и возложат свои надежды на стремление Соединенных Штатов добиться при несомненной окончательной победе обеспечения и признания целостности и прав Черногории».

Вопрос о Черногории неоднократно поднимался в Париже, в особенности в связи с оспаривавшимся правом этой страны на представительство на мирной конференции и с обследованием, которое Вильсон хотел провести на местах с целью выяснения воли черногорского народа и законности правительства, назначенного сербами против воли находившегося в изгнании короля. Вопрос был оставлен открытым и разрешен формально только в июле 1922 г., когда конференция послов признала целесообразным объединение Черногории с Сербско-хорватско-словенским королевством. Помнится, когда на одном официальном собрании Соннино напомнил колебавшемуся Вильсону о вышеупомянутой телеграмме, Вильсон пренебрежительно отмахнулся: «Ну! Какая-то там телеграмма!»

ская делегация будет готова выехать в субботу вечером, 10-го, или в воскресенье утром. Однако имеются затруднения в деле назначения представителей. Партия христианских социалистов⁵ не хотела бы, чтобы делегация возглавлялась г. Клейном, благоприятно относящимся к объединению немецкой Австрии с Германией. Манту затем зачитывает другую телеграмму, полученную тремя часами позднее первой от того же французского представителя в Вене, сообщающую о том, что тамошний английский представитель обратился к нему с вопросом, не может ли быть дата приглашения австрийцев в Париж отложена на срок позднее 12-го числа.

Ллойд Джордж.—Здесь, повидимому, какое-то недоразумение.

Клемансо.—Оставим тогда 12-е число для австрийцев?

Ллойд Джордж.—Согласен.

Клемансо.—Сохраняем прежний срок—12-е число, но мы готовы на разумную отсрочку.

Вильсон.—Необходимо объяснить г. Орландо, что наша встреча с австрийцами должна носить характер гораздо менее официальный (informal), чем встреча с немцами*.

Ллойд Джордж.—Я не знаю, почему австрийские немцы должны быть включены в предмет обсуждения, касающегося южных славян и других народностей бывшей Австро-Венгерской империи. Достаточно сказать им, что общее разрешение вопроса входит в нашу компетенцию; что же касается Австрии, мы предполагаем только установить ее границы. Вопрос о границе между Италией и Австрией не подлежит обсуждению. Можно сказать им: это—ваша граница. Все затруднения относятся к границам между Хорватией и Италией.

Вильсон.—Мне бы хотелось подумать над этим. Мне кажется, что к 12 мая было бы невозможно подготовить договор.

Ллойд Джордж.—Однако мы должны поспешить с заключением мира.

* Я просил затем генерального секретаря конференции Дюаста прислать мне текст приглашения австрийцев на конференцию, о чем мы и получили сведения в Риме 2 мая. В документе этом говорится: «Париж, 1 мая 1919 г. Председатель мирной конференции г. генералу Галлие, главе французской военной миссии в Вене. Срочно перешлите в Вену австрийскому правительству следующее сообщение: Во-первых, Верховный совет союзных и присоединившихся держав решил пригласить австрийских делегатов, снабженных полномочиями, в Сен-Жермен-ан-Лэ в понедельник вечером, 12 мая, для обсуждения мирных условий с союзными и присоединившимися державами. Во-вторых, ввиду этого австрийское правительство благоволит срочно указать количество, имена и функции делегатов, которых предполагается послать в Сен-Жермен, а также количество, имена и функции сопровождающих их лиц. Австрийская делегация должна быть строго ограничена рамками возложенной на нее задачи, и в состав ее должны входить лишь лица, облеченные необходимыми полномочиями. Подпись *Клемансо*».

Сообщение венграм было сделано в тех же выражениях, за исключением даты созыва, назначенного на 15-е число.

По правде говоря, непонятно, почему Вильсон мог сказать, что приглашение это носило «informal» («неофициальный») характер. Ср. стр. 319.

Орландо.—Я всегда полагал, что мир с Австро-Венгрией не может быть заключен, ибо в настоящее время австро-венгерское государство в довоенном его виде перестало существовать. Австро-Венгрия, исчезнув как государство, не может больше являться договаривающейся стороной. Сейчас следует только определить границы новых государств, одним из которых является Австрия. Поэтому необходимо одновременно установить границы различных государств, являющихся преемниками Австро-Венгрии. Это в сущности то, о чем говорил г. Ллойд Джордж.

Ллойд Джордж.—Правильно. Но необходимо определить границы различных государств, каждого в отдельности, в последовательном порядке. Не понимаю, какое дело Австрии до границ других государств, уже к ней не примыкающих?

Вильсон.—Как указал г. Орландо, границы всех государств—преемников Австро-Венгрии должны быть определены одновременно, с тем чтобы можно было достигнуть общего соглашения. Чехи боролись на стороне союзных и присоединившихся держав; южные славяне практически принимали участие на нашей стороне до окончания войны. Границы всех государств должны быть установлены одновременно.

Ллойд Джордж.—Необходимо, однако, с чего-либо начать. Почему Австрия должна умирать от голода только по той причине, что еще не заключен мир с Хорватией? Чем дольше будет затягиваться дело, тем серьезнее будет опасность возникновения большевизма и других зол в Австрии. Не думаю, чтобы в отношении границ между Венгрией и Хорватией имелись какие-либо затруднения.

Вильсон.—Мирный договор не может быть, однако, так легко заключен путем дробления на куски и дележа провинций различных стран. Напомню, кроме того, что хорватские депутаты были членами будапештского парламента, а не венского.

Ллойд Джордж.—Начнем с обеспечения мира в одном каком-либо месте.

Орландо.—Можно было бы, однако, переговоры вести одновременно.

Клемансо.—Мы можем вновь поговорить об этом на дневном заседании. Могу ли я удалиться?

Вильсон.—Как мы должны явиться днем: в цилиндрах?

Клемансо (иронически).—Да, в шляпах с перьями!

Для вручения мирных условий Германии приготовлена зала в первом этаже Трианонского дворца в Версале.

Вспоминаю происходившие в этом здании заседания Верховного совета, часто принимавшие обескураживающий характер. Резкая полемика между союзниками. Опасения, вызываемые скудостью военных резервов.

В зале, полной света, проникающего сквозь выходящие в сад

широкие окна, расставлено много столов в виде прямоугольника.

За центральным столом сидит Клемансо, справа от него— Вильсон и американцы, по левую руку— Ллойд Джордж и англичане. Итальянцы занимают боковой стол, справа, после американцев. Для немцев оставлен стол с пятью креслами против стола Клемансо, но на расстоянии многих метров от него.

Сзади Клемансо расположился секретариат. Впервые вижу рядом с собою, с Дютаста и с Ханки безбородое лицо Манделя, начальника кабинета Клемансо.

За немцами, кроме секретарей, разместилось около 40 журналистов различных национальностей.

Зал заполнили генералы, адмиралы, большей частью одетые в форму. Вижу Фоша, относительно присутствия которого на этом заседании были сомнения, основанные на слухах о том, что он хочет подчеркнуть своим отсутствием несогласие с Клемансо относительно мирных условий.

В 15 часов, когда все уселись на свои места, Дютаста просит одного из секретарей протелефонировать. Через несколько минут швейцар объявляет: «Господа германские уполномоченные!»

Первый делегат, Брокдорф-Ранцау, входит, с трудом передвигаясь, багровый, нервничающий. Он в очках в широкой черной оправе. Рядом с ним улыбающийся германский министр юстиции.

Клемансо поднимается и заявляет: «Заседание открыто».

В зале как бы ощущается ускоренное биение многих сердец. На лице Клемансо не заметно удовлетворения достигнутыми победой и миром; кажется, что все еще длится трагедия войны*. Но я верю во внутреннее чувство этого 77-летнего человека, полвека назад пережившего Седан и первый Версаль⁶, и, быть может, лелеявшего в течение пятидесяти лет мечту, до столь полного осуществления которой он, возможно, не надеялся дожить; я думаю о пророчестве Ллойд Джорджа в Рапалло, когда он предсказывал наступление второго Версаля, который должен вычеркнуть из истории Версаль 1871 г. И вот мечта, пророчество сбылись.

Среднего роста, но прямой, плотного сложения, с суровым лицом, будто перед его внутренним взором вновь проходят жесто-

* Нахожу подтверждение этому в том факте, что Клемансо пожелал, чтобы в момент подписания договора с Германией в зеркальной галлерее Версальского дворца присутствовали три инвалида войны.

Сам Клемансо нижеследующим образом описывает этот эпизод («Grandeurs et misères d'une victoire», p. 343):

«Трагическое молчание...

И вдруг безмолвная толпа содрогнулась. На бархатной скамье, в простенке между окнами, на виду у всех, появились три фигуры из адской трагедии, с искаженными судорожной гримасой чертами, — выкатившиеся из орбит глаза, искривленные челюсти, исполосованные шрамами лица, — три доблестных инвалида войны, приглашенные на это почетное место, как живое напоминание о героически принятых ими на себя чудовищных страданиях».

кости и жертвы долгой войны, стоя говорит Клемансо. Говорит, как обычно: ясно, точно, без неуверенности, без замедлений, без единой риторической фразы, жеста, вытянув сжатые в кулак руки по швам, тоном, черпающим свою силу из внутреннего убеждения. Говорит о навязанной, жестоко навязанной войне. «Вы нам навязали войну, поэтому мы примем меры, чтобы агрессия, подобная этой, не могла больше повториться. Наступил час сведения счетов. Вы просили у нас мира. Мы готовы предоставить его вам. Вы получите документ с изложением мирных условий... Вы встретите в нас готовность оказать вам содействие в выполнении вашей задачи, но этот второй Версальский мир был добыт слишком дорогой ценой, чтобы мы не имели права требовать всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами законного удовлетворения».

Речь Клемансо переведена на немецкий и английский языки.

Генеральный секретарь Дютаста передает печатный экземпляр мирных условий Брокдорф-Ранцау, который, не открывая, кладет эту большую белую папку на стол рядом с собой и затем бросает на нее с выражением презрения и безразличия свои темные перчатки.

Брокдорф-Ранцау, едва подняв руку, просит слова.

Клемансо.—Слово предоставляется г. Брокдорф-Ранцау.

Брокдорф-Ранцау, не вставая, начинает читать по-немецки.

Этот ~~невежливый~~ жест вызывает негодование за столом Клемансо. Он раздраженно говорит об этом своим соседям—Вильсону и Ллойд Джорджу, которые присоединяются к нему, осуждая и выражая также жестами столь грубый, «отвратительный» поступок*.

Брокдорф-Ранцау продолжает глухим голосом, постепенно оживляясь.

Во время перевода с немецкого на французский и английский раздражение Клемансо выражается в резком тоне его обращения к переводчикам, один из которых немец: «Ничего не слышно! Громче! Пусть переводчики подойдут поближе!»

Немецкий переводчик переводит речь Брокдорф-Ранцау, по мере ее произнесения, на грубоватый, типично американский, английский язык.

Брокдорф-Ранцау читает: «...Мы признаем размеры нашего бессилия и огромность нашего поражения. Мы знаем, что мощь германских армий разбита. Мы знаем силу ненависти, направленной против нас, и мы чувствуем страстное желание победителей заставить нас платить как побежденных и как виновных...»

* Именно поэтому при подписании договора с Германией (Версаль, 29 июня) за несколько минут до прибытия немецких делегатов Дютаста, как бы в отместку, объявил во всеуслышание: «Все остаются на местах», в противоположность тому, как это было 7 мая в момент прибытия немцев в Трианонский дворец.

Невыразительность немецкого языка не передает чувств, вызванных поражением, даже в том случае, когда высказывается признание в этом поражении. Впечатление это усугубляется, когда немецкий переводчик, быть может, желая частью повиноваться требованию Клемансо, переводит, скандируя и почти выкрикивая заносчивым и дерзким тоном слова, как если бы слова эти должны были вместо «мы побеждены» означать «мы победили».

Ллойд Джордж замечает: «Какой свирепый!»

По окончании речи, неожиданным образом оказавшейся длинной и полемической, Вильсон обменивается мнениями с Клемансо и Ллойд Джорджем: «Ничего нового». — «Я думал, что он будет сильнее». — «В речи нет ни связности, ни единства». — «Быть может, дерзкие места речи принадлежат Брокдорф-Ранцау, а остальное — другим делегатам». — «Неисправимый юнкер». — «Юнкеров не убедишь до тех пор, пока не будет занят Берлин».

Клемансо (вставая). — Нет ли других замечаний?

Брокдорф-Ранцау (по-французски). — Нет, с моей стороны не имеется.

Клемансо (вполголоса). — Всякий сказал бы: нет, милостивый государь! *(затем, громким голосом):* В таком случае заседание считаю закрытым.

Часы показывают около 16-ти.

Один американец напоминает мне, что сегодня — годовщина гибели «Лузитании»⁷.

Выходя, вижу за одним столиком с Дютаста Клемансо, который просматривает только что произнесенную им речь*.

В 16 час. 15 мин. — заседание Четырех в том же Трианонском дворце.

Кроме Четырех, участвуют Соннино, французский министр колоний Симон, Бальфур и Страчи. Присутствуем, как обычно, Хэнки, я и переводчик Манту.

Совету предстоит рассмотреть документ, врученный на сегодняшнем утреннем заседании Ллойд Джорджем Симону.

В документе этом предусматривается раздел германских колоний. Все ее колонии передаются Франции, Англии и доминионам, Японии. Италии — ничего.

Вильсон. — Кроме Новой Гвинеи⁸, имеются ли в Тихом океане острова, мандат⁹ на которые передается Австралии?

Ллойд Джордж. — Есть определенное количество малых островов, расположенных на восток от Новой Гвинеи.

* Быть может, поэтому более резкая фраза Клемансо не появилась ни в официальном тексте, ни в газетах.

Клемансо (Симону, указывая на документ).—Вы это видели? (Клемансо говорит это почти презрительно.) Вы ничего не скажете?

Симон.—Я согласен с предложением г. Ллойд Джорджа, но с оговоркой относительно Камеруна. Для Франции могут возникнуть неудобства в том случае, если одна часть Камеруна останется подмандатной Франции, а вторая перейдет под непосредственный суверенитет Британской империи.

Ввиду этого Симон предлагает свою формулировку. После краткого совещания, в котором принимают участие Ллойд Джордж, Клемансо, Симон и Бальфур, утверждается формула, измененная в части, касающейся Того и Камеруна¹⁰.

Вильсон.—Детали, касающиеся распределяемых таким образом мандатов, будут установлены Лигой наций.

Обращаюсь к Соннино: «Что означает оговорка, касающаяся Того и Камеруна?» Разве это еще не было окончательно решено? И можем ли мы попытаться получить их? Во всяком случае, почему мы не протестуем по поводу остального, отчего мы отстранены?» Дважды обращаюсь к нему с этим вопросом.

Соннино говорит с Орландо.

Орландо.—Замечу, что в представленной г. Ллойд Джорджем схеме Италия остается отстраненной от всякого участия в мандатах в Африке. Я уже говорил об этом раньше и заявил, что если мандаты представляют собой тяжелую обязанность, Италия готова принять ее на себя; если же мандаты представляют выгоду, Италия имеет право на участие**.

* Того и Камерун явились предметом тайного соглашения, заключенного без нашего ведома в мае 1916 г. между Францией и Англией (Грей—Поль Камбон). Оговорка вызвана тем обстоятельством, что Франция добивалась прямого обладания этими колониями, а не мандата над ними.

** 28 января в связи с вопросом о германских колониях, их распределении и мандатах Орландо сказал между прочим, «что Италия готова принять любой принцип, лишь бы он был справедлив и Италия могла бы участвовать в деле насаждения цивилизации. Положение это настолько верно, что даже при отсутствии статьи XIII Лондонского договора следовало бы его применить. Вопрос этот имеет крайне серьезное значение».

30 января, когда было возобновлено обсуждение вопроса о компетенции Лиги наций и о расходах, связанных с военной оккупацией в Австрии, Турции и бывших германских колониях в Африке и на Тихом океане, Орландо заявил, что единственное и совершенно справедливое желание Италии заключается в соблюдении справедливой пропорции при оккупации названных территорий. Вследствие этого он требовал и полагал, что не может считаться чрезмерным требование, чтобы Италия получила свою долю мандатов и территорий, подлежащих военной оккупации.

Орландо вновь говорил об этом 31-го числа, заявив в заключение, что он требует только соблюдения справедливости при исчислении причитающейся Италии доли.

Мне неизвестно, был ли впоследствии обсужден этот вопрос в части, касающейся Италии и бывших германских колоний.

Помнится, однако, что по поручению премьер-министра Орландо я обратился

Клемансо.—Разве в Восточной Африке у вас ничего нет?

Орlando.—Об этом говорится в Лондонском договоре. Статья XIII предусматривает предоставление Италии компенсаций в специально интересующих ее частях Африки в том случае, если Франция и Англия расширят свои владения на этом континенте.

Симон.—Верно. Статья XIII Лондонского договора гласит: «В случае, если Франция и Великобритания увеличат свои колониальные владения в Африке за счет Германии, эти две державы признают в принципе, что Италия могла бы требовать предоставления ей некоторых равноценных компенсаций, именно в урегулировании в ее пользу вопросов, касающихся границ итальянских колоний Эритреи, Сомали и Ливии и смежных с ними колоний Франции и Великобритании».

Клемансо.—В статье говорится «могла бы».

Ллойд Джордж.—Заявляю теперь же, что я признаю полностью действительность статьи XIII Лондонского договора и что поэтому британское правительство всегда готово приступить к обсуждению этого вопроса с итальянским правительством. Однако это было бы бесполезно, если Франция не будет также согласна.

Клемансо.—Согласен.

Бальфур.—Замечу, что содержание статьи XIII Лондонского договора относится к увеличению английских и французских территорий, а не к мандатам, которые, строго говоря, не означают собой увеличения территории. Но я не настаиваю на этом пункте.

После этого Бальфур удаляется.

Совет утверждает следующее постановление:

1. Франция и Великобритания совместно внесут в Лигу наций предложения, касающиеся будущности колоний Того и Камерун.

Мандат на Германскую Восточную Африку будет дан Великобритании.

к Ханки, желая узнать, может ли Италия получить Германскую Восточную Африку. Ханки ограничился заявлением, что завоевание этой территории обошлось Англии в 100 миллионов фунтов стерлингов.

Также по поручению Орlando я предпринял в марте шаги перед генералом Генри Вильсоном, заявив, что Италия готова заменить своими войсками британские войска в Закавказье. Генерал Вильсон весьма одобительно отнесся к этому предложению, высказав, впрочем, некоторое сомнение относительно выгоды такого обязательства. Ллойд Джордж принял предложение, заметив, однако, при этом вполголоса: «Что ж, итальянцы думают таким образом получить закавказскую нефть? Нефтяные промыслы являются частной собственностью!» 2 апреля Ллойд Джордж сообщил Вильсону и Клемансо о состоявшемся между Италией и Англией соглашении о замене британских войск в Закавказье итальянскими. Вильсон сделал недоброльное лицо. Как известно, кабинет Орlando продолжал добиваться осуществления этого плана, от которого впоследствии отказался следующий кабинет. Соннино неблагоприятно относился как к вопросу о Германской Восточной Африке, так и о Закавказье.

Мандат на Германскую Западную Африку на юге будет дан Южно-Африканскому Союзу.

Мандат на острова Самоа¹¹ будет дан Новой Зеландии.

На другие германские тихоокеанские владения к югу от экватора, исключая германские острова Самоа и Науру, мандат будет предоставлен Австралии.

Мандат на остров Науру¹² будет передан Британской империи.

Мандат на германские острова к северу от экватора¹³ будет дан Японии.

2. Будет образована междусоюзническая комиссия в составе представителя от Британской империи, одного представителя от Франции и одного от Италии для изучения применения статьи XIII Лондонского договора от 26 апреля 1915 г.

3. Вышеприведенные решения будут опубликованы.

Возвращаюсь из Версаля в автомобиле с Хэнки.

Он говорит мне: «Вильсон еще сильнее прежнего раздражен против вас; он утверждает, что Орlando и Соннино не являются выразителями воли Италии»*.

Хэнки советует выждать; тем временем урегулировать кое-какие вопросы; дожидаться отъезда Вильсона.

Сообщаю обо всем Соннино и Орlando.

В вопросе о колониях Орlando вызывает скептицизм и разочарование.

Четверг, 8 мая.

11 часов. Заседание Четырех у Вильсона. Участвует также Соннино. Перед заседанием Вильсон, Клемансо, Ллойд Джордж снова обмениваются впечатлениями по поводу вчерашней речи Брокдорф-Ранцау.

Вильсон.—Я не думаю, чтобы Брокдорф-Ранцау действительно являлся выразителем точки зрения нынешнего германского правительства. *Ллойд Джордж.*—Я вчера убедился в том, какое чувство ненависти может испытывать француз. Со вчерашнего дня я чувствую себя французом. *Клемансо.*—Это—не ненависть, это—отвращение. *Ллойд Джордж.*—Жаль, что ему позволили говорить. *Клемансо.*—Я узнал, что Брокдорф-Ранцау заявил, будто он не подпишет договора. Кажется, вчера ночью все делегаты были пьяны, за исключением Брокдорф-Ранцау, который хорошо держался; министр юстиции был отнесен на постель за руки и за ноги.

Рассматривается предложение Брокдорф-Ранцау о назначении смешанной комиссии для обсуждения некоторых статей договора с Германией.

* По сведениям из других прямых источников, Вильсон, узнав о востоме итальянского парламента (29 апреля в палате 382 голоса—за, 40—против; в сенате 191 голос—за из 191 голосовавшего), заявил, что правительство Орlando «купило» эти голоса.

Клемансо.—Нет, это противоречит принятым решениям. Устные дискуссии исключены.

Вильсон.—У меня имеется подготовленный американской делегацией обзор положения, в котором в настоящее время находятся вопросы, касающиеся границ бывшей австро-венгерской территории. По некоторым границам все эксперты пришли к соглашению, по остальным—соглашения не достигнуто. Американские, французские и английские эксперты договорились о границах, относящихся к Болгарии, Греции, Чехо-Словакии, Румынии, Югославии. Вопрос о границе между Бельгией и Голландией не обсуждался. Правда, это не входит в компетенцию настоящей конференции. Относительно Польши соглашения не было достигнуто, кроме вопросов, касающихся Германии и границы между Польшей и Чехо-Словакией. Границы Албании и границы России пока еще не установлены. Возможно также, что заинтересованные стороны будут несогласны с нашими экспертами.

Ллойд Джордж.—Предлагаю следующие резолюции:

1. Военный, морской и авиационный комитет маршала Фоша, выработавший условия мира с Германией, соберется с целью передачи на обсуждение Верховного совета проекта морских, военных и авиационных статей, которые должны быть включены в текст мирного договора с Австрией и мирного договора с Венгрией.

Доклады различных комиссий могут быть приняты в качестве общего руководства при разрешении вопроса о границах Австрии и Венгрии.

2. Группа финансовых экспертов, которая под непосредственным руководством Верховного совета завершила выработку статей, касающихся репараций, включаемых в текст мирного договора с Германией, соберется для передачи на рассмотрение Верховного совета проекта статей, подлежащих внесению в текст мирного договора с Австрией и мирного договора с Венгрией.

3. Группа экспертов, которая под непосредственным руководством Верховного совета закончила выработку финансовых статей для включения в текст мирного договора с Германией, соберется для передачи на обсуждение Верховного совета проекта статей, подлежащих включению в текст мирного договора с Австрией и мирного договора с Венгрией.

Орlando.—Что касается резолюции второй, решение уже принято, и соответствующая комиссия займется этим вопросом на заседании, которое должно состояться сегодня же.

Ллойд Джордж.—Вы в этом уверены?

Орlando.—Да.

Ллойд Джордж.—Вы разрешите мне подумать? Кто соберет военных?

Клемансо.—Я.

Хэнки.—Но у них уже состоялось заседание, они заявили, что не могут принять решения до тех пор, пока не будут разрешены территориальные вопросы.

Ллойд Джордж.—Лучше, если вопрос обсудят версальские технические консультанты, без Фоша, который так упрям.

(Принимаются предложенные Ллойд Джорджем резолюции.)

Ллойд Джордж.—Мы должны обсудить общие принципы по территориальным вопросам, как я предлагал вчера.

Клемансо.—Это следует сделать поскорее: австрийцы приезжают 12-го.

Ллойд Джордж.—Как только будут разрешены территориальные вопросы, касающиеся Австрии и Венгрии, мы сможем рассмотреть вопросы, по которым имеются расхождения среди союзников.

Вильсон.—Трудность заключается в следующем: после того как будет заключен мир с Австрией и Венгрией и страны эти окажутся юридически отделенными одна от другой, и после того как мирные договоры с ними будут заключены, нынешняя конференция не сможет сохранить дольше свой авторитет. Могут возникнуть серьезные затруднения, если разрешение спорных между ними вопросов будет предоставлено государствам-наследникам. Я считаю весьма важным сохранить за настоящей конференцией силу, что обяжет новые государства принять установленные нами границы.

Ллойд Джордж.—Трудность эту можно преодолеть, включив в мирный договор статью, обязывающую Австрию и Венгрию соответственно признать границы соседних с ними стран, установленные союзными и присоединившимися к ним державами.

Вильсон.—Статья эта не может, однако, обязать новые государства уважать решения главных держав. Если таким образом цель не будет достигнута, это заставит нас вновь окунуться в целый океан переговоров.

Ллойд Джордж.—Прошу моих итальянских коллег извинить меня. Я не требую, чтобы они соглашались или не соглашались со мной относительно того, что я сейчас скажу. Окружающая нас атмосфера не кажется мне благоприятной для разрешения более спорных вопросов. В настоящее время наблюдается большое общественное возбуждение, частью произвольное, частью же искусственное. Лучше всего было бы все предоставить времени. Для установления мира союзными и присоединившимися державами с Австрией и Венгрией целесообразно разрешать в этих условиях вышеупомянутые вопросы.

Вильсон.—Мне хотелось бы установить такой порядок, при котором разрешение вопросов о границах между различными государствами не откладывалось бы до заключения отдельных соглашений по ним. Поэтому я предлагаю ввести в мирный договор условие, обязывающее Австрию и Венгрию к ответственному

признанию примыкающих к ним государств в тех границах, которые удалось установить; в тех же случаях, где невозможно установить границы теперь же, они должны быть определены каким-либо авторитетным органом, например Лигой наций.

Ллойд Джордж.—Мне кажется, что Лигу наций не следует с самого начала отягощать разрешением этих потрясающе трудных проблем. Их следовало бы разрешить союзным и присоединившимся державам.

Вильсон.—Лучше всего, если проблемы эти будут разрешены главными союзными и присоединившимися державами. Мы не должны лишать себя всякого авторитета.

Ллойд Джордж.—Наоборот, авторитет этот должен быть поддержан. Но мы должны ускорить наши работы. Австрия и Венгрия умирают от голода. Касающиеся их мирные трактаты должны быть заключены как можно скорее. Когда я слушал вчера речь г. Брокдорф-Ранцау, мне один единственный раз стало не по себе: это было в тот момент, когда он намекнул на сотни тысяч умерших от голода со дня заключения перемирия до нынешнего дня.

Клемансо.—Но это утверждение должно быть доказано.

Ллойд Джордж.—Во всяком случае нет сомнения в том, что в Австрии и Венгрии умирают от голода.

Вильсон.—Мы не должны поддаваться впечатлению, вызванному тем, что вчерашняя речь г. Брокдорф-Ранцау нам не понравилась. Нет сомнения в том, что много народу спаслось бы от голодной смерти, если бы мирный договор смог быть заключен раньше.

Ллойд Джордж.—Между тем еще сегодня утром Эрве в газете «Victoire» признал, прочитав краткое содержание врученного вчера мирного договора, что ему по справедливости следовало бы взять обратно прежние нападки на медленность подготовки договора.

Клемансо.—Я мог бы дать возможность президенту Вильсону посетить женщин от 14 до 60 лет, изнасилованных немцами.

Ллойд Джордж.—Комиссия по вопросам нарушения права войны, сообщила мне, что в материалах расследования имеются столь отвратительные документы, что их даже невозможно зачитать.

Вильсон.—Резюмирую дискуссию, касающуюся границ, ниже следующим образом: там, где они могут быть установлены, это будет сделано; там, где это будет невозможно, высокие договаривающиеся стороны возьмут на себя обязательство принять то, что будет решено по этому поводу главными союзными и присоединившимися державами.

(Никто не возражает.)

Украина.

Ллойд Джордж.—Украины не существует. Она изобретена немцами. Это—малая Россия.

.....

Вильсон.—Мне кажется, что мы могли бы просить совет министров иностранных дел произвести тщательное расследование и представить затем предложения относительно всех бесспорных границ бывшей австро-венгерской территории, за исключением границ, касающихся Италии.

Ллойд Джордж.—Вы предлагаете, чтобы министры иностранных дел представили нам территориальные границы?

Соннино.—Также и между различными государствами? Напомню, что часть границы между Австрией и Югославией тесно связана с итальянской проблемой. Речь идет о зоне Марбурга и Клагенфурта¹⁴. Она должна быть пересмотрена. Железнодорожная линия между Триестом и Веной окажется проходящей по югославской территории, если проблема не будет разрешена в ином порядке. Министрам иностранных дел следовало бы пересмотреть то, что было до настоящего времени сделано различными комиссиями, дополнить и представить предложения в Совет Четырех.

(Предложение утверждается, и выносятся решение, чтобы министры иностранных дел собрались сегодня же с этой целью.)

Ллойд Джордж.—Предлагаю потребовать от редакционного комитета возможно скорее приступить к работе по выработке договора с Австрией и Венгрией.

Вильсон.—Мне кажется, что редакционный комитет заслуживает некоторого отдыха после большой работы, которую он вынужден был провести в связи с подготовкой договора с Германией.

(Собрание выражает согласие.)

Речь заходит о необходимости для комиссии изучить вопрос о том, какие союзные силы следует держать на левом берегу Рейна.

Вильсон.—Было бы лучше, если бы маршал Фош оставался в стороне от обсуждения этого вопроса. Его психология такова, что он не мог бы с пользой повести дело.

Ллойд Джордж.—Да, Фош и Фиуме—два слишком жгучих вопроса.

Вильсон.—Как следует поступить в вопросе о санкциях против виновников войны и актов, нарушающих законы и обычаи войны?¹⁵

Ллойд Джордж.—Положение в данном случае неодинаково в отношении Германии и Австрии. Например, в Австрии императора, объявившего войну, нет в живых. Император Карл—безответственный молодой человек.

Орландо.—Однако большое количество преступлений было совершено за время войны против Италии, и эти случаи равным образом аналогичны тем, в отношении которых были внесены соответствующие пункты в договор с Германией.

Соннино.—Подтверждаю сказанное премьером Орландо, добавив к этому, что и австрийцы также должны нести ответственность за подводную войну.

Вильсон.—Мне говорили, что во многих случаях не удавалось различить, были ли это австрийские или германские лодки.

Соннино.—Однако имеются верные доказательства, что в некоторых случаях это были именно австрийские подводные лодки.

Ллойд Джордж.—Но кто-то, однако, должен был давать соответствующие указания в Австрии. Я считаю, что в мирный договор с Австрией должны быть включены соответствующие пункты.

(Предложение принимается.)

Вильсон.—Рассмотрению подлежит также проблема водных путей сообщения, портов и железных дорог.

(Выносится решение, что особая комиссия, подготовившая статьи по этому вопросу для договора с Германией, подготовит таковые и для договора с Австрией и Венгрией.)

Ллойд Джордж.—Нужно рассмотреть также экономические вопросы. Разрешение некоторых из них было отложено до возвращения итальянских делегатов.

(Решено выслушать экспертов Экономического совета завтра в 10 час. 30 мин. у президента Вильсона.)

Ллойд Джордж.—Состоится ли заседание сегодня днем?

Вильсон.—Не будет ли неудобно, если я сегодня днем отправлюсь на скачки? Сегодня, кажется, состоятся интересные скачки. Я общал поехать туда.

Ллойд Джордж.—Я никогда в жизни не бывал на скачках.

Днем в 16 часов происходит заседание на Кэ д'Орсе, в котором участвуют министры иностранных дел Америки, Англии, Франции, Италии, Японии со своими секретарями и экспертами. Председательствует Пишон.

Пишон.—Мне казалось бы удобным начать обсуждение с вопроса о намеченных границах Румынии. Я просил бы г. Тардые изложить результаты работ соответствующей комиссии.

Бальфур.—Я полагаю, что, перед тем как приступить к обсуждению отдельных докладов, следовало бы установить, что будут представлять собою Австрия и Венгрия с территориальной стороны. Например, Форарльберг. Будет ли он швейцарским или австрийским?

Соннино.—Для нас Форарльберг есть Австрия. Форарльберг как независимая единица мне неизвестен.

(Продолжается обсуждение вопроса о Форарльберге и других возможных случаях отделения народностей от Австрии. Лансинг замечает, что не следовало бы допускать отделения населения бывшей Австро-Венгрии, если это делается во избежание усиления экономических тягот, ложащихся на население в случае его оставления на старой территории. Тардые докладывает о работах

отдельных комиссий, изучавших вопрос о границах между Венгрией и Югославией, между Венгрией и Чехо-Словакией.)

Обсуждается вопрос о том, есть ли необходимость в изменении границы между Австрией и Венгрией. Полагают, что необходимости в этом не ощущается, но что во всяком случае комиссия может изучить вопрос на тот случай, если он будет поставлен. Соннино говорит: «К чему подстрекать их таким образом к постановке вопроса?»

Вопрос об остальных границах Австрии будет рассмотрен завтра. В совещании принимали участие, главным образом, Соннино, Бальфур от Англии, Лансинг от Америки. Между Соннино и Лансингом заметно известное расхождение.

В эти дни Ллойд Джордж обнаруживал сердечность и дружелюбие; Клемансо казался враждебно настроенным; Вильсон — в душе враждебным, но внешне медоточиво любезным.

Из Рима пришло известие, что Баррер, в поисках разрешения наших затруднений, выехал в Париж. Пишон делает вид, что это ему неизвестно.

Из Рима же приходит известие, якобы проникшее на страницы печати, о высказываниях Соннино в 1914 г. в том смысле, что Италия должна идти вместе с Германией и Австро-Венгрией. Говорю об этом Соннино, который мне отвечает: «Публичных заявлений не было». Так как в печати указывалось также на одно его письмо к Гвиччардини или Бертолини, выражавшее ту же мысль, я спрашиваю его: «Вы желали бы выступить с опровержением?» Соннино отвечает: «Я ничего не говорю. Здесь нечего сказать». Империяли рассказывает, что у Стида будто бы имеется копия одного письма Соннино в вышеуказанном смысле*.

Пятница, 9 мая.

10 час. 30 мин.—Заседание Четырех с Экономическим советом у Вильсона.

15 часов.—Собрание на Кэ д'Орсе.

Присутствуют пять министров иностранных дел, эксперты, секретари. 42 человека! От Италии—Соннино, Де Мартино, Альдрованди, Ваннутелли и Бертелё.

Сначала речь идет о границах между Австрией и Чехо-Словакией.

Затем обсуждается вопрос о границах между Австрией и Югославией. И после долгой дискуссии о том, компетентен ли совет министров иностранных дел обсуждать связанный с этим вопрос о границе между Австрией и Италией, разрешение которого

* Ср. стр. 36 и 37.

было предоставлено Совету Четырех, все передается подготовительной комиссии. Комиссия эта должна представить специальный доклад об экономико-этнографическом положении бассейнов Марбурга и Клагенфурта, относительно которых Соннино выдвинул оговорки, настаивая на принадлежности этих бассейнов Австрии. В дискуссии, кроме Соннино, принимали особенное участие, так же как и вчера, Бальфур и Лансинг.

В 16 часов — заседание Четырех у Вильсона.

(Обсуждается вопрос о мерах, которые следует принять в случае отказа немцев подписать договор.

Вильсон хотел бы быть осведомленным также в части, касающейся репатриации американских войск. Ллойд Джордж замечает: «Через 15 дней мы узнаем, будет ли у нас еще война или не будет».)

Клемансо.—В настоящий момент военная комиссия занята изучением этого вопроса. Мне было сообщено, однако, что итальянцы в этой комиссии не участвуют, так как на приглашение они ответили, что не готовы. Разумеется, мы не можем остановить работу по той причине, что итальянцы не готовы. Я просил генерала Белена продолжать работу и обсудить вопрос без итальянцев.

Орландо.—Здесь какое-то недоразумение.

Ллойд Джордж.—Следовало бы рассмотреть также вопрос о возможности оккупации Берлина и Франкфурта.

Клемансо.—Я бы предложил выслушать маршала Фоша завтра.

Вильсон.—Хорошо.

Поговорив по телефону с генералом Каваллеро, сообщаю, что, как он заявил мне, он ни разу не был приглашен на заседание по военным вопросам, касающимся Германии. Он получил приглашение принять участие в комиссии, выработывающей военный статут Австрии и Венгрии, и ответил, что ввиду ожидающегося послезавтра приезда генерала Диаци он считал необходимым дожидаться его приезда.

Россия.

(Решено, что статьи 228, 229, 230 мирных условий, сообщенных германским делегатам, будут приняты редакционным комитетом в качестве основы соответствующих статей мирного договора с Австрией и Венгрией, но что в мирных договорах с Австрией и Венгрией не должна содержаться статья, соответствующая статье 227, ввиду отсутствия необходимости предъявления обвинения австрийскому императору Карлу, как это было сделано в отношении императора Вильгельма¹⁶.)

Немецкие подводные лодки.

Хэнки.—У меня имеется письмо лорда Кенлифа, который от имени возглавляемой им комиссии хотел бы знать решение

Четырех о том, должны ли новые государства вроде Польши и т. д. принимать участие в возмещении ущерба, нанесенного войной.

Орландо.—Я бы сказал—да.

Вильсон.—Мне кажется, что следовало бы применить иное трактование к некоторым нациям, которые, подобно Польше, менее ответственны за политические директивы, осуществлявшиеся государствами, принимавшими между прочим участие в давнишнем преступлении раздела самой Польши. Так, по отношению к другим странам, как, например, к Чехии, следовало бы применить другие соображения.

Орландо (Вильсону).—Я просил бы вас самих сформулировать по этому вопросу решение, которое мы могли бы рассмотреть завтра.

Вильсон.—Я сделаю это.

Хэнки представляет приведенную ниже формулу, которую он считает соответствующей решению, принятому на вчерашнем заседании:

«В каждом из мирных договоров с Австрией и Венгрией будут содержаться статьи, обязывающие как Австрию и Венгрию, так и другие договаривающиеся державы признать границы различных государств, возникших из прежней Австро-Венгерской империи, равно как и всех других прилегающих государств. Где это возможно, все границы этих государств должны быть установлены мирными договорами с Австрией и Венгрией. В тех случаях, однако, когда полное определение этих границ представится невозможным до подписания этих договоров, Австрия и Венгрия, как и другие договаривающиеся стороны, взаимно согласятся признать эти государства в пределах тех границ, которые будут впоследствии установлены главными союзными и присоединившимися державами. Разумеется, это не будет применяться к австро-венгерской территории, границы которой будут установлены соответствующими мирными трактатами».

Орландо.—Я оставляю за собой право рассмотреть эту формулу и сказать завтра, принимаю ли я ее.

Возвращаясь от Вильсона в гостиницу «Эдуард VII», Орландо говорит мне: «Если бы я знал, что моя отставка поможет Италии получить даже самый небольшой островок в Адриатике, я тотчас же подал бы в отставку. Я мог бы мотивировать ее расхождением мнений в кабинете. Действительно, на заседании совета министров 4-го числа только два министра высказались за оказание сопротивления, остальные—за оставление Фиуме».

Баррер был остановлен на полпути в Париж, где он намеревался выступить со своим планом соглашения. Это было сделано по приказу Клемансо, который дал ему понять, что у него гораздо больше дела в Риме, чем в Париже. Пишон говорил об этом с Бонином, добавив, что это мы «добивались приезда Баррера в Париж», чего на самом деле не было.

Суббота, 10 мая.

11 часов.—Заседание Четырех у Вильсона с участием маршала Фоша и генерала Вейгана.

(Обсуждается вопрос о мерах, которые должны быть приняты в случае отказа немцев подписать мирный договор: занять Берлин и Веймар, отрезав Баварию.)

Ллойд Джордж.—Надо тратить возможно меньше времени, так как в этот момент немцы выносят свои решения.

Клемансо.—Согласен.

Фош.—Я к услугам правительства, но замечу, что у немцев имеется время для ответа до 22-го числа.

Клемансо.—Они уже послали два письма.

Фош.—О! Они пошлют еще больше!

Ллойд Джордж.—Я считал бы необходимым, чтобы они тем временем узнали, что маршал Фош на всякий случай отправился на фронт.

Фош.—Я мог бы отдать приказ о перевозке военных материалов.

Ллойд Джордж.—Немцы медленно соображают. Нужно начать действовать возможно скорее.

Клемансо.—Согласен. Рекомендуем вам действовать быстрее.

Фош.—Тщательнее.

(Маршал Фош и генерал Вейган выходят.)

Россия. В 11 часов приглашают Чайковского.

(Чайковский уходит.)

11 час. 45 мин.

Орlando.—Заявляю, что, рассмотрев формулу, предложенную вчера полковником Хэнки по вопросу о границах бывшей Австро-Венгерской империи и сопредельных государств, я принимаю ее.

Орlando.—Президент Вильсон говорил мне вчера, что он разработал формулу, касающуюся общих принципов австро-венгерских репараций.

Вильсон.—Мне это было поручено? Не помню. Во всяком случае у меня не было времени подумать об этом.

Клемансо.—Австрийские делегаты придут в среду, 14-го числа. Делегат Ламмаш, ссылаясь на нездоровье, просил разрешить ему прибыть в сопровождении жены и дочери.

Вильсон.—Я тоже получил через Лансинга такую же просьбу.

Клемансо.—Я уже согласился дать на это разрешение.

В 16 часов—заседание Четырех у Вильсона.

Ввиду опоздания Орlando Трое беседуют между собою.

Клемансо *(шутливо)*.—Впредь мы будем заседать в лесу Фонтенебло; рассядемся по деревьям.

Вильсон.—Согласен.

Клемансо.—Однако мы приняли это решение, не выслушав мнения Орlando!

Вильсон (разрезая объемистый том мирных условий с Германией).—Надеюсь, остатка моих дней будет достаточно для того, чтобы успеть прочитать этот том. Мы в течение минимального времени* выполнили огромную работу, которую когда-либо удавалось проделать четверым.

Ллойд Джордж.—Что вы думаете о Чайковском?

Вильсон.—Он мне нравится. Это человек прямой. Он—сторонник Колчака.

Ллойд Джордж.—А он не интриган? Мы должны узнать его.

Вильсон.—Возможно, что это второй Наполеон.

Ллойд Джордж.—Нет, это не Наполеон.

Разговор о Чайковском, Колчаке и России продолжается до прихода Орlando.

Хэнки.—Следовало бы принять решение относительно просьбы, обращенной ко мне лордом Кенлифом. Как мне говорил Альдрованди, финансовый комитет не может заняться изучением вопроса об австрийских репарациях, если сначала не будет установлен общий принцип, на основании которого репарации эти должны быть истребованы.

Вильсон.—Моя первоначальная идея, основанная на чувстве, заключается в том, что Польша должна быть исключена, так как она принимала участие в войне на трех фронтах—австрийском, германском и русском—и поэтому перенесла ужасные лишения. Мне кажется, что ее следовало бы освободить от всяких обязательств по репарациям. Однако этого нельзя сказать о других частях Австро-Венгрии; но я не сумел бы сказать, на какой основе должна быть исчислена падающая на них доля репарационных платежей. Должна ли быть возложена на них пропорциональная часть государственного долга, или только репарационных платежей, или же и то и другое?

Ллойд Джордж.—Раньше государственного долга должны быть рассмотрены права союзников.

Вильсон.—Репарации для Австрии и Венгрии следовало бы исчислить на той же основе, что и для Германии.

Ллойд Джордж.—В этом случае австрийские репарации приобрели бы характер, аналогичный с германскими и таким образом уменьшили бы долг Германии.

Клемансо.—Нет, нет.

Вильсон.—Один из принципиальных элементов, которые я имел в виду, заключается в справедливом отношении к Италии;

* В начале мирной конференции Ллойд Джордж заявил, что конференция, как он надеется, не примет «характера Трентинского собора¹⁷, продолжавшегося 43 (?) года и закончившегося тогда, когда никого из первоначальных его участников уже не осталось в живых».

поставить Австрию в положение аналогичной Германии плательщицы значило бы увеличить возможность соответственных репараций для Италии.

Ллойд Джордж.—Италия находится в таком же положении, как и мы.

Орlando.—До настоящего времени—да.

Вильсон.—Мы все считаем, что репарации, которые может предложить Австрия, несоразмерны и это является основанием для того, чтобы рассматривать долю ее репарационных платежей, как аналогичную.

Ллойд Джордж.—Следует полагать, что Австрия не сможет оплатить убытки; однако все же было бы лучше установить размеры суммы, приходящейся на долю Австрии и Венгрии.

Вильсон.—И предъявить умеренные требования.

Клемансо.—Но кто может дать указания на этот счет?

Ллойд Джордж.—Имеется специальная комиссия.

Вильсон.—Мы можем затребовать от экспертов их заключение о полной сумме платежей для целой территориальной группы, за исключением Польши, добавив, если это будет возможно, схему пропорциональной квоты, налагаемой на каждую из держав, входивших в состав бывшей Австро-Венгерской империи.

Ллойд Джордж и Клемансо.—Согласен.

Орlando.—Это очень сложный вопрос, который должен быть передан на рассмотрение экспертов. Например, принимая во внимание только военные долги, было бы весьма затруднительно точно установить в этом смысле положение различных государств, возникших из бывшей Австро-Венгерской империи. Может случиться, что у одних имеются военные долги, у других же этих долгов может не оказаться, и положение сделалось бы очень запутанным. Поэтому было бы лучше передать вопрос на рассмотрение экспертам, которые должны в качестве основы в своей работе принять концепцию, согласно которой все государства, за исключением Польши, обязаны платить. На этой основе эксперты должны оценить платежеспособность всей группы; затем они должны обсудить вопрос о распределении ответственности и платежных средств отдельных плательщиков. Немцы могли бы выступить с жалобами в том случае, если им не будет известно, должны ли и в каком размере платить их бывшие союзники. Это является лишним основанием для рационального рассмотрения вопроса.

Ллойд Джордж.—Да, это служит лишним основанием. Но имеется еще другое. Все союзные державы вошли в большие долги, чтобы освободить народы, которые добились освобождения не только собственными силами, но и благодаря усилиям союзников. Роль их в войне заключалась в том, что они вели борьбу против нас. Не принимая окончательного решения, я считал бы, что расследование следует распространить также на Польшу.

Вильсон.—Но Польшу, с известной точки зрения, можно уподобить, в смысле перенесенных ею лишений, Бельгии.

Ллойд Джордж.—Бельгия будет самой богатой страной Европы.

Вильсон.—В таком случае я беру назад свое сравнение.

Орlando.—Я предлагаю, чтобы Хэнки составил текст решения по поводу всего сказанного нами.

Хэнки.—Это будет сделано. Уведомляю, что финансовая комиссия, занятая рассмотрением австрийских вопросов, желает знать, имеет ли она право выслушать чехо-словацкую делегацию.

(Орlando и остальные выражают свое согласие.)

Клемансо.—Могу подтвердить, что австрийские делегаты придут в среду.

Ллойд Джордж.—А венгерские?

Клемансо.—Никому ничего об этом неизвестно.

(В то время, когда у Вильсона происходило заседание Четырех, на Ка д'Орсе состоялось совещание министров иностранных дел с экспертами и секретарями.

Как мне сообщили, комиссия, изучающая вопрос о границе между Австрией и Югославией, представила доклад, принятый ее большинством. Итальянские делегаты в этой комиссии выступили с оговорками. В возникшей по этому поводу дискуссии Соннино вновь настаивал на том, что не следует прерывать сообщения между Триестом, Австрией и Чехией. Имеются три решения: передать территорию, о которой идет речь, Австрии, либо Югославии, либо Италии. Италия не желает включать в свои территории неитальянское население, если только к этому ее не вынудят соображения безопасности; передача названной территории Югославии привела бы к созданию непреодолимых экономических трудностей; отчего не вынести теперь же решение о передаче ее Австрии? Тогда Бальфур выступил с длинной речью, заметив между прочим, что передача территории Австрии повлекла бы за собой не только отделение почти 60 тысяч южных славян от основной их национальной массы, но также передачу их враждебному государству. Кроме того, итальянскому предложению противоречили соображения географические. «Нельзя провести параллель с Бреннером¹⁸, приобретение которого Италией могло быть оправдано географическими соображениями, хотя эти последние и менее вески, чем соображения этнографического порядка. В рассматриваемом же случае как этнографические, так и географические соображения были бы нарушены». Лансинг заявил, что он согласен с Бальфуром. «В вопросе о Бреннере совет решил оказать предпочтение географическим соображениям перед мотивами этнографическими и решил передать Италии территорию, включающую значительное число австро-немцев». Лансинг затем упомянул также о Фиуме. «Если рассматриваемая территория не должна быть югославской, так как южные славяне могли бы использовать ее для прерыва сообщений с Триестом, можно было бы тогда считать, что и примыкающая к Фиуме территория также не должна быть югославской во избежание прерыва торговых сообщений с названным портом». Отвечая Лансингу, Соннино не допускал возможности проведения параллели между этими двумя случаями. Он продолжал утверждать, что порты Триест и Фиуме должны быть поставлены в такие условия, которые давали бы им возможность дальнейшего развития. Касаясь точки зрения этнографической, Соннино напомнил, что около 300 тысяч немцев были переданы Польше и около 280 тысяч венгров сделались румынскими подданными. Лансинг возражал, говоря, что в данном случае принцип оказания преимущества друзьям перед недругами выворачивается наизнанку. Здесь территория отбирается от Югославии для передачи

Австрии. Соннино заметил, что словены не являются для него друзьями в большей степени, чем были австрийцы. Лансинг возразил, что Америка считает их друзьями. Соннино заметил, что новые государства не следует рассматривать ни в качестве друзей, ни как врагов. «Если Австрия войдет в состав дунайской конфедерации, австрийцы смогут считаться друзьями, если же она примкнет к немецкой конфедерации, австрийцы могут быть причислены к врагам... Впрочем, когда говорят о друзьях, следует иметь в виду, что имеется еще Италия». Дискуссия принимала все более горячий и резкий характер. Бальфур и Пишон призывали к практическому решению вопроса. Соннино заявил тогда, что, как он указывал с самого начала, он согласен, не желая задерживать доклад о договоре с Австрией, принять доклад комиссии, предусматривающий уступку Австрией союзным и присоединившимся державам округа Тарвис и зоны, расположенной к югу от него, при условии, если комиссия вновь соберется и примет во внимание сделанные им замечания в интересах Триеста и постоянных торговых взаимоотношений между указанными странами.

Черновик затем был передан комиссии по югославским делам. Если комиссия вынесет единодушное решение, проект может перейти на обсуждение Четырех без обязательного возвращения его в совет министров иностранных дел.)

Воскресенье, 11 мая.

Соннино в унынии.

Сегодня нет заседаний.

Необходимо принять меры к пополнению итальянской делегации ввиду того, что Саландра и Сальваго Раджи вышли из ее состава и неизвестно, останется ли Бардзилай.

Сальваго Раджи получает телеграфную просьбу взять обратно заявление о выходе из состава делегации. Знаю, что Сальваго решил не возвращаться.

Понедельник, 12 мая.

Огорченный, измученный Орlando говорит мне: «Как я понимаю—ныне отпущаеши!»

В автомобиле по дороге на заседание коллег в доме Вильсона Орlando говорит мне: «Еще хуже после передышки. Предпочитаю непрерывную борьбу».

11 часов.—Заседание Четырех.

Зачитывается письмо Брокдорф-Ранцау.

(Утверждается проект письма Хэнки к лорду Кенлифу в смысле принятых вчера решений по вопросу о репарационных пунктах в договорах с Австрией и Венгрией, о новых государствах и военных убытках.)

Орlando.—Я должен поднять вопрос, представляющий особый интерес для Италии в связи с австрийскими и венгерскими репарационными платежами. Речь идет о вопросе, касающемся адриатического торгового флота. С моей точки зрения, решения о распределении неприятельского торгового флота, касающиеся Германии, неприложимы к Австро-Венгрии, ибо речь идет о судах тех портов, которые перестанут быть австро-венгерскими и

сделаются итальянскими или югославскими. Если эти суда будут взяты из итальянских и югославских портов, это будет равносильно гибели названных портов.

Клемансо.—Где находятся эти суда?

Орlando.—Они были секвестрованы союзниками и используются ими в настоящее время в Средиземном море. Возникает вопрос: кому будут принадлежать эти суда впоследствии?

Клемансо.—Я не понял как следует предложения.

Ллойд Джордж.—Если Италия должна получить известную долю германских судов, невозможно будет применить предлагаемый сейчас порядок к австро-венгерским судам. Это было бы несправедливо по отношению к северным государствам.

Орlando.—Австрийские суда не могут увеличить собой сумму итальянского тоннажа. Они относились к специальному роду экономической службы, которая вполне отличалась от итальянской торговли. Говорить, что приобретение этих судов компенсировало бы Италию за потерю тоннажа, нет оснований, если принять во внимание, что тоннаж этот является нераздельной частью приобретенных в настоящее время Италией портов, которые сами нуждаются в собственном тоннаже.

Клемансо.—Не понимаю, что это должно означать.

Ллойд Джордж.—Я думаю, что мне удалось понять. Я бы не возражал, если бы Италия отказалась от своей доли германского тоннажа, возместив ее за счет австро-венгерского торгового флота. Наибольшее участие в войне против Германии принимали Великобритания и Франция, тем не менее было решено присудить Италии известную квоту германского тоннажа. Но если Италия должна получить квоту по тоннажу страны, против которой она не сражалась, и в дополнение к этому весь торговый флот страны, против которой она действительно боролась, мне трудно было бы понять, на каком именно принципе справедливости и равноправия основывается ее требование.

Вильсон.—Г-н Орlando полагает, что австро-венгерский тоннаж является некоей единицей, которая не должна быть удалена из Адриатического моря.

Ллойд Джордж.—Меня очень удивляет способ постановки вопроса. Было бы в такой же степени справедливо не увести из Северного моря принадлежащий этому морю флот.

Германские суда, курсирующие в Северном море, столь же необходимы для соответствующих портов, как и австрийские суда в Адриатическом море. Несмотря на это, британское правительство никогда не думало выдвигать подобного рода требований. (С большой силой.) Такого необыкновенного требования мне никогда не приходилось слышать.

Орlando.—Я просил бы рассмотреть вопрос под другим углом зрения. Я очень сожалею о том впечатлении, которое произвело мое предложение на г. Ллойд Джорджа. Но я твердо убежден, что

предложение мое справедливо. Италия должна получить Триест, являвшийся большим торговым портом. Если, однако, Триест будет передан Италии без его торгового флота, Италия получит в свои руки разоренный город. Было справедливо решено, что Эльзас не должен принимать участия в репарационных платежах. Эльзас-Лотарингия представляет собой речную область, и по отношению к ней было решено, что речной тоннаж не должен быть включен в германский тоннаж, подлежащий распределению между союзниками в счет репараций, но должен быть оставлен Эльзасу. То, о чем я прошу, заключается в применении того же принципа к Триесту, ибо без флота Триест придет в упадок.

Клемансо.—Пропорция должна быть одинакова. Если вы хотите получить все на севере и на юге, мы не сможем договориться. Я не был готов к этому.

Ллойд Джордж.—Я готов ко всему.

Клемансо.—Англия потеряла огромный тоннаж.

Орlando.—Равно, как и Италия.

Клемансо.—Итальянские потери невозможно сравнивать с британскими.

Ллойд Джордж.—Я думаю, что даже относительно британские потери превышают итальянские.

Клемансо.—Я вполне согласен с г. Ллойд Джорджем.

Вильсон.—Мне хотелось бы знать, что именно подразумевает г. Орlando под торговым флотом Триеста. Все суда, торгующие с Триестом?

Орlando.—Нет, суда, приписанные к Триестинскому порту.

Ллойд Джордж.—Я не помню, что именно было решено относительно тоннажа рейнского флота, но, судя по тому, что мне сейчас говорит Хэнки, флот этот не мог бы плавать нигде, кроме Рейна, между тем как зарегистрированные в Триесте суда могут быть использованы в своем большинстве в любой части света. Если бы Италия уведомила об этом своем намерении, я воспротивился бы передаче Италии какой бы то ни было квоты германских судов. Невозможно, чтобы Италия участвовала в разделе тоннажа, который мы берем у противника, против которого она не сражалась, и вместе с тем удерживала бы австро-венгерские суда. Я не ожидал этого после всего того, что нами было сделано для Италии на общефинансовом фронте против Германии. Я горячо протестую против этого предложения.

Орlando.—Мне приходится с прискорбием констатировать, что мои представления о справедливости не соответствуют представлениям г. Ллойд Джорджа.

Клемансо.—Так же как и моим.

Орlando.—Я прошу применить к Италии положение, аналогичное положению, предусматриваемому в договоре с Германией.

Ллойд Джордж.—Мне непонятно, что это означает.

Клемансо.—Я не нахожу в договоре с Германией ничего применимого в данном случае.

Орландо.—Я зачитаю извлечение из статей, касающихся репараций, предусматриваемых договором с Германией (часть VIII, приложение III, пункт 3, стр. 108):

«В число кораблей и судов, указанных в параграфе 1, входят все корабли и суда: а) плавающие или имеющие право плавать под торговым германским флагом; или б) принадлежащие германскому гражданину, германскому обществу или компании, или товариществу или компании страны, иной, чем союзные или присоединившиеся страны, и находящиеся под контролем или в заведывании германских граждан; или в) строящиеся в настоящее время: 1) в Германии; 2) в странах, иных, чем союзные или присоединившиеся страны, за счет германского гражданина, германского общества или компании».

Таков текст статьи, в которой указаны германские торговые суда, могущие явиться предметом репарационных платежей. Все, чего я требую, заключается в том, чтобы этот же принцип был применен к австро-венгерским гражданам, за исключением триестинских граждан, так как эти последние делаются итальянскими гражданами.

Клемансо.—Я не хочу отдавать вам все. Я не хочу отдавать вам сто миллионов, когда я сам получаю четыре пятака. Вы это называете справедливостью, я же считаю это высшей несправедливостью.

Ллойд Джордж.—То, что хотел сказать г. Орландо, означает, что так как по договору с Германией должны быть получены только суда, принадлежащие германским гражданам, то суда, зарегистрированные в Триесте, не должны быть взяты по той причине, что жители Триеста приобретают итальянское гражданство.

Клемансо.—Но они не являются итальянскими гражданами до тех пор, пока договор не будет подписан.

Орландо.—Но на дружественные страны репарации не распространяются. Если мое предложение не будет принято во внимание, окажется, что Италия практически не получит никаких репараций в виде судов, так как она должна будет оставить австро-венгерский тоннаж в портах, и, следовательно, она не получит никакой компенсации за потерянный ею тоннаж.

Ллойд Джордж.—Мне не удастся понять, как можно делать подобное предложение. Сотни тысяч тонн судов были потоплены при доставке Италии зерна, угля и военных материалов, а теперь союзники не должны получить доли австрийского тоннажа. В этом случае тоннаж, принадлежащий Триесту и Поле¹⁹, был бы исключен, так как эти два порта будут итальянскими, и судами, подлежащими распределению, оказались бы только суда Себенико и Спалато и других югославских портов; однако, поскольку южные славяне сделались теперь сербами и являются союзниками,

главные союзные и присоединившиеся державы должны быть совершенно исключены при распределении и этих судов.

Вильсон.—Да, в силу той же теории.

Клемансо.—Но если этот принцип восторжествует, мы не получим ни одного сантима.

Орландо.—Я начал с того, что Югославия должна иметь равные права.

Клемансо.—То же самое говорю я.

Ллойд Джордж.—Надеюсь, что не придется отчитываться перед британским парламентом в этой истории и объяснять, почему Англия ничего не получила из адриатического флота. Я не представляю себе, как бы я мог сделать это.

Орландо.—Повторяю, что так как невозможно, чтобы Италия лишила Триест его флота, в результате оказалось бы, что Италия не получит никакой компенсации за потерянные ею суда.

Клемансо.—Триест является неприятельским городом до установления нового порядка.

Ллойд Джордж.—Самым опасным участком пути во время войны являлся путь в Италию, и британский торговый флот понес серьезнейшие потери в этих узких морях. Я оспариваю утверждение, что Триест является более разоренным портом, чем какой-либо другой. Если у него будут возможности торговли и транзита, корабли всех флагов будут заходить туда, и порт будет процветать.

Орландо.—Могу ли я в связи с тем, что только что было сказано г. Ллойд Джорджем, отказаться от итальянской квоты германского торгового флота и принять взамен весь флот, зарегистрированный в Триесте и в Поле, который останется за названными портами.

Ллойд Джордж.—Существуют два принципа репараций: или Италия выдвигает рекламации против немцев за причиненный ей Германией ущерб и выдвигает другую рекламацию против австрийцев за нанесенный ей Австро-Венгрией ущерб, или же она участвует в общей сумме репараций. Возможен также третий принцип, заключающийся в том, чтобы Италия обратилась к Австрии за получением всей суммы причитающихся ей репараций, и в то же время Великобритания и Франция обратятся за тем же к Германии. Мне неизвестны другие принципы.

Орландо.—Минимум моих требований заключался бы в том, чтобы в квоту предназначенных Италии судов был включен триестинский тоннаж.

Вильсон.—Пропорция получилась бы соразмерная?

Орландо.—Да.

Ллойд Джордж.—Мысль г. Орландо заключается в том, что в случае передачи Италии ста судов они должны быть взяты из числа триестинских судов. Об этом можно потолковать.

Вступление Германии в конвенцию о труде. Манту зачитывает документ на немецком языке.

Клемансо.—Переведите мне все это на удобопонятный язык.

Клемансо.—Теперь остается только греческий вопрос, относительно которого необходимо объясниться. В отсутствие итальянских делегатов греки просили разрешить им сделать высадку в Смирне²⁰, и мы им разрешили это. Результатом этого явилась концентрация судов, кажется, в Кавалле²¹. Дело заключалось не в том, чтобы принять какое-либо решение относительно Смирны, но мы хотели, чтобы греки могли там высадиться для предотвращения резни их соплеменников, имевшей неоднократно место за последнее время. Мы сочли необходимым, чтобы английский, французский и итальянский отряды приняли участие в десанте. Насколько нам известно, в Смирне находится уже много итальянских военных судов, шесть или семь.

Орlando.—Только два*.

Клемансо.—Мы не хотели бы, чтобы высадка английских, французских и итальянских войск производилась в различных пропорциях. У Франции там имеются небольшие силы, и нам не хотелось бы, чтобы итальянцы высадили значительно более крупные части. Мы не могли сделать этого, не предупредив об этом г. Орlando, прося его принять соответствующие меры.

Орlando.—Речь идет о высадке греков, французов, англичан и итальянцев?

Клемансо.—Греки займут Смирну, но, повторяю, мы не предполагали давать никаких указаний о распределении территории.

Ллойд Джордж.—Мы предложили, чтобы оккупация была выполнена греками с целью предотвращения возможных в дальнейшем убийств греческих граждан.

Клемансо.—Повторяю, что греки просили разрешения произвести эту высадку.

Вильсон (внезапно прерывая, резким тоном).—Это мы посоветовали грекам. Первоначальная просьба исходила не от греков. Совет рекомендовал грекам высадить свои войска для предупреждения дальнейшей резни.

Клемансо.—Да, это так. При этих обстоятельствах в целях предупреждения бойни и поддержания возможно большего порядка были даны инструкции адмиралу Калторпу отправиться из Константинополя в Смирну. По имеющимся у меня сведениям итальянцы несколько дней назад высадили в Смирне некоторое количество моряков и затем увезли их обратно.

* 10 апреля во французских газетах появилось известие о том, что 10 итальянских судов отплыли в Смирну. Повидимому, сообщение это было сделано в целях подготовки греческого десанта. Были запрошены сведения от итальянского флота, и адмирал Таон-ди-Ревель ответил: «Сообщение это абсолютно ложно. В Смирне находится только королевское судно «Пьемонте».

Орlando.—Мне это неизвестно.

Клемансо.—Мы хотим, чтобы одновременно с греческой оккупацией была произведена высадка итальянцев, французов и англичан, после чего город должен быть оставлен под охраной греков.

Ллойд Джордс.—Мы будем занимать форты до тех пор, пока греки нас сменяют. Тогда мы вновь погрузимся на корабли. Естественно, что в отдельных местах не должно находиться несколько команд. Команда в Смирне должна состоять из греков. (*Обращаясь к Хэнки:*) Турция была об этом извещена?

Хэнки.—Не думаю.

Ллойд Джордс.—Сэр Джордж Риддел получил от одного англичанина, жителя Смирны, лица весьма уважаемого и заслуживающего доверия, письмо с описанием турецких зверств над греками, сопровождавшихся пытками.

Клемансо.—Когда произойдет высадка?

Орlando.—Я хотел бы поговорить об этом с Соннино, так как мне точно неизвестно, какова наша позиция в этом вопросе. Я мог бы дать ответ в течение дня.

Ллойд Джордс.—По имеющимся у меня сведениям высадки были произведены итальянцами без всякого ведома союзников, а именно в Макри, Будруме, Мармарице и Скаланове²². Я бы хотел спросить г. Орlando, верно ли это и по каким мотивам это совершилось*.

* После заключения перемирия с Турцией Франция и Англия произвели оккупацию территорий, в соответствии со своими интересами, в зонах, им предназначенных или на которые они претендовали.

Было бы слишком долго останавливаться на вопросе об участии или неучастии Италии в переговорах о заключении названного перемирия или в оккупационных операциях. С некоторых пор циркулировали слухи о том, что греки готовятся занять Смирну и другие местности в зоне, которая была предназначена Италии в силу соглашений, состоявшихся в Сен-Жан-де-Мориен и в Лондоне.

Уже 23 марта до итальянского правительства дошли слухи о концентрации греческих войск в Митиленах, Хиосе, Леросе ввиду возможности высадки десантов в Анатолии.

Крупнейший греческий крейсер «Аверов» прибыл в Смирну 17 апреля, и, как утверждали, в тот же день к Лемносу были стянуты греческие войска и греческие офицеры. Многочисленные агенты, прибывшие поодиночке в штатском платье, были уже в Смирне, готовые ко всяким неожиданностям.

23 апреля Блистательная Порта²³ послала союзническим верховным комиссарам в Константинополе ноту, сообщавшую о слухах, согласно которым Греция готовилась высадить 25 тысяч человек на смирнском побережье.

Вслед за тем пришло известие о том, что 6 мая, когда итальянская делегация еще не возвращалась в Париж, Трое предложили грекам оккупировать Смирну.

8 мая, т. е. до того, как Трое известили нас об этом, британский верховный комиссар в Константинополе заявил своему итальянскому коллеге, что «было вынесено решение о немедленном занятии Смирны греками».

Ввиду всего этого итальянское правительство, и особенно Соннино, заблаговременно распорядилось о том, чтобы верховное командование и флот были готовы произвести десанты и оккупацию в защиту наших интересов и наших прав в случае, если в Анатолии состоится или будет предстоять высадка греческих войск.

В связи со всем вышесказанным были произведены десанты итальянских

Клемансо.—Высадка была произведена также в Адалии²⁴.

Ллойд Джордж.—Мы знаем об этом.

Орландо.—Поэтому я и хочу поговорить с Соннино, который в курсе всего дела.

Вильсон.—Прошу г. Орландо принять к особому сведению указание г. Ллойд Джорджа о десантах.

Ллойд Джордж.—Это—места, прилегающие к Смирне.

Вильсон.—В каком положении находится подготовка договора с Австрией?

Ллойд Джордж. Работы еще не закончены. Относительно одной из территорий идет спор между Австрией и Югославией.

Вильсон.—Как мы будем обсуждать эти вопросы? Было бы лучше отправиться сегодня на Кэ д'Орсе, обсудить и вынести решение в присутствии министров иностранных дел.

Ллойд Джордж.—Было бы лучше покончить сначала с вопросом о Смирне.

(Решено собраться сегодня днем в доме президента Вильсона в 15 час. 30 мин. для обсуждения вопроса о Смирне, а затем на Кэ д'Орсе вместе с министрами иностранных дел для рассмотрения вопроса о границах Австрии.)

Возвращаясь в гостиницу, Орландо говорит мне: «Сегодня утром, отправляясь на заседание, я думал, что дошел до предела огорчения, теперь я убеждаюсь, что заблуждался».

Соннино, осведомленный о том, что сегодня утром происходило на совещании Четырех, не скрывает своего негодования.

Говорю об этом итальянскому адмиралу, который восклицает: «В эти союзные страны я хочу вернуться с оккупационными войсками!»

Орландо и Соннино в 14 час. 30 мин. отправляются к Ллойд Джорджу. Соннино напоминает Ллойд Джорджу, что Смирна по соглашению 1917 г. была предоставлена Италии.

Ллойд Джордж.—Да, но в настоящее время соглашения эти более не действительны. Недостает согласия России²⁵. Впрочем, вы заняли много пунктов.

Соннино.—Лондонский договор все еще остается в силе.

Ллойд Джордж.—Вы не должны были производить высадки, не предупредив об этом союзников. Мы всегда извещали*

войск в Адалии 2 апреля, в Макри, Мармарице и Будруме—между 11 и 12 мая, в Скаланове—14 мая. 26 апреля наш пехотный батальон по предварительному согласованию прибыл в Конию и сменил английские войска.

* Как именно в действительности обсуждался союзниками этот вопрос о Смирне, их переговоры с Венизелосом, их желание поставить нас лицом к лицу с совершившимся фактом в вопросе о Малой Азии (6, 7, 10, 11 мая), явствует из дневника маршала Генри Вильсона (London 1927, v. II, p. 188 etc.; см. также R. S. Baker, op. cit, v. II, p. 191 etc.), в котором он называет это «грязным делом» и «постыднейшей интригой конференции».

и еще сегодня утром уведомили г. Орландо относительно Смирны.

Было бы хорошо рассмотреть все итальянские вопросы вместе. Отчего бы не собраться четверем неответственным* (irresponsille) лицам, которые обсудили бы вопрос и пришли бы к какому-нибудь определенному решению? Этим могли бы заняться полковник Хауз от Америки и несколько неответственных лиц от нас.

Орландо.—Так как мне важно знать ваше справедливое мнение, я спрашиваю: считаете ли вы справедливым, чтобы Эльзас-Лотарингия, оцениваемая в 150 миллиардов, не имела никаких обязательств, в то время как мы получаем всего лишь несколько камней? Я говорю об этом, не входя в рассмотрение затронутого мною сегодня утром вопроса о тоннаже.

Предложение Ллойд Джорджа умеряет раздражение Орландо и Соннино, вызванное утренним внезапным заявлением о занятии греками Смирны, которую мы считали уже своей.

В 15 час. 30 мин.—заседание Четырех у Вильсона.

Присутствует также Соннино.

Приглашают министра Лушера. Обсуждается статья 430 договора с Германией (вторичная оккупация германских территорий в случае невыполнения немцами обязательств по репарациям).

Опубликование текста мирного договора, врученного немцам. (Пока согласия не имеется.)

(Лушер уходит.)

Вильсон.—Каково решение итальянских коллег относительно требования, предъявленного им сегодня утром?

Орландо.—В принципе я принимаю. Я считал бы предпочтительным оставить войска главных держав на суше, около 200 человек от каждой, и не уводить их до тех пор, пока решение о судьбе Смирны не будет окончательно вынесено. В этом заключается единственное изменение, о котором я прошу.

Вильсон.—Численность десантов с французских и английских кораблей не превысит 200 человек.

Ллойд Джордж.—В британском отряде будет не более 50 человек.

Соннино.—Их пребывание на суше придало бы оккупации международный характер.

Клемансо.—Скажем, что территориальный вопрос не урегулирован, и довольно. В чьих руках будет командование?

Ллойд Джордж.—В руках греков.

Вильсон.—Естественно, чтобы командование было греческим, так как греки располагают гораздо большими силами.

Клемансо.—Я не считаю нужным оставлять французские войска под греческим командованием. После сегодняшнего реше-

ния требуется только, чтобы высадка была произведена без нарушения пункта о Смирне в мирном договоре.

Вильсон.—Я не считаю желательным оставлять на суше группы военных различных национальностей.

Ллойд Джордж.—Корреспондент г. Риддела, о котором я упоминал сегодня утром, видел сам, как турки стреляли в греков, он видел также, как убивали безоружных людей. Это ничем не было спровоцировано.

Вильсон.—Я не считаю нужной продолжительную оккупацию смешанными войсками.

Орlando.—Не буду настаивать.

Ллойд Джордж.—Мы должны сделать какое-либо сообщение туркам? Что должны мы сказать им?

Клемансо.—Правду.

Вильсон.—Мы уведомим их за 12 часов до высадки.

Ллойд Джордж.—Греки готовы выступить.

Вильсон.—Пусть они немедленно отправятся.

Ллойд Джордж.—Они могут это сделать. Кавалла находится в 24 часах пути от Смирны.

Соннино.—Проведена ли уже концентрация судов?

Вильсон.—Да. Они были сконцентрированы в ваше отсутствие.

Ллойд Джордж.—Так. Решение было принято уже более недели тому назад.

(Решено, что греческие силы выступят из Каваллы, как только они будут готовы, и что итальянский отряд примет участие в высадке военных сил. Ханки получает инструкции довести это решение до сведения британских морских властей для осведомления адмирала Калторпа и г. Венизелоса.)

В 16 часов—заседание на Кэ д'Орсе в кабинете министра. Присутствуют Четверо, министры иностранных дел, эксперты и секретари.

Клемансо просит г. Тардые изложить выводы, к которым пришла комиссия по югославским делам.

Тардые излагает заключения комиссии, выражающиеся в предложении провести плебисцит в бассейне Клагенфурта.

Бальфур.—Обсуждалась ли связанная с этим плебисцитом процедура?

Тардые.—Поскольку плебисцит в принципе не был еще принят, не приходилось думать о порядке проведения плебисцита.

Клемансо.—Принят ли принцип плебисцита?

Вильсон.—Да.

Ллойд Джордж.—Согласен.

Соннино.—Если в отношении Клагенфурта допускается плебисцит, это должно быть сделано также в отношении Марбурга и других вызывающих сомнение мест вдоль предлагаемой границы.

Бальфур.—Правда, имеются другие области со смешанным населением, но если конференция убеждена, что у нее уже имеются достаточные данные для разрешения соответствующих проблем без референдума, мне кажется, что плебисцит может быть оставлен лишь для Клагенфуртского бассейна.

Тардье.—Комиссия единодушно высказалась по вопросу о других границах; с тем же единодушием выдвинула она свое предложение о том, что плебисцит должен иметь место только в отношении одного этого участка.

Вильсон.—Следует срочным порядком утвердить статью для внесения в текст договора. Комиссия в своем докладе предлагает следующее:

«По всему бассейну Клагенфурта, как это указано ниже, междусоюзнической комиссии будет поручено пятью союзными и присоединившимися державами убедиться на месте, каковы желания населения относительно присоединения их территории к Югославии.

Если заключениями этой комиссии будет установлено формальное желание населения быть присоединенным к Югославии, пять союзных и присоединившихся держав оставят за собой право удовлетворить это желание».

Бальфур.—Все, о чем Австрия должна знать, заключается в том, что население рассматриваемой территории будет опрошено.

Орландо.—Если я правильно понял, статья эта означает, что решение о судьбе этой территории будет отложено до завершения работ комиссии, которая будет послана на места. В этом смысле я понимаю эту статью в предлагаемом виде.

(Статья утверждается.)

Тардье разъясняет затруднения, касающиеся треугольника к юго-востоку от Тарвиса, как это явствует из доклада комиссии.

Соннино.—Когда произойдет окончательное присуждение? Наиболее подходящим для этого времени мне представляется момент заключения договора с Австрией.

Бальфур.—На состоявшемся позавчера последнем заседании министров иностранных дел мы пришли к компромиссу единственно с целью вынесения решения о договоре с Австрией. Я согласен с бароном Соннино, что окончательное присуждение названной территории должно быть сделано в заранее определенный день. Если это не может быть сделано немедленно, то вопрос этот может быть вновь обсужден, когда конференция будет выносить решение о границах Югославии.

Клемансо.—Можно было бы принять это предложение.

Соннино.—Согласен с точкой зрения г. Бальфура, что проблема должна быть разрешена немедленно. В этом заинтересована не только Италия, но и главным образом Австрия. Австрийцы должны знать, каким образом они могут сообщаться с морем. Территория, о которой идет речь, представляет собой небольшую горную зону с очень редким населением.

Вильсон.—Речь идет о двух вопросах. Один из них касается

суверенитета, под которым должно оказаться население округа. Так как в данном округе преобладают южные славяне, естественным ответом был бы тот, что суверенитет должен принадлежать Югославии. Второй вопрос касается прямого железнодорожного сообщения между Австрией и Италией. Конференция не встретила серьезных затруднений при разрешении почти тождественного вопроса. Был найден способ обеспечить удобное сообщение между Восточной и Западной Пруссией.

Соннино.—Чтобы предоставить Чехо-Словакии 60 километров железнодорожного пути и обеспечить непрерывное сообщение между Чехо-Словакией и Румынией, под чехо-словацкий суверенитет было отдано около 60 тысяч мадьяр. Подобно этому, не менее 280 тысяч мадьяр было передано Румынии. В Польше на 100 километров железнодорожного пути под польский суверенитет было передано около 100 тысяч немцев.

(На заседании возникают разногласия по этому заявлению, утверждают, что такие решения вопросов, быть может, и были предложены комиссиями, но до сих пор не были утверждены Советом.)

Клемансо.—Я прошу только Совет принять или не согласиться с тем, чтобы границы Австрии были установлены временно и чтобы окончательная передача рассматриваемого треугольника была отложена до тех пор, пока не будут определены границы Югославии.

(Предложение принимается.)

Граница между Австрией и Чехо-Словакией.

(Принимается предложение комиссии.)

Граница между Австрией и Венгрией.

Вильсон.—Обсуждался ли вопрос о назначении комиссии для выяснения вопроса о границах между Австрией и Венгрией? Была ли она назначена? Насколько я знаю, Австрия поднимет этот вопрос.

Соннино.—Не будет ли достаточно потребовать от Австрии признания независимости Венгрии и от Венгрии—независимости Австрии, не поднимая вопроса о границе?

Вильсон.—Я знаю, что австрийцы поднимут вопрос.

(Выносится решение о том, чтобы потребовать от Австрии признания границы 1867 г. между Австрией и Венгрией²⁶, а также о том, что в случае возникновения каких-либо затруднений, касающихся названной границы, союзные и присоединившиеся державы, если это окажется необходимым, выступят в качестве арбитров.)

Клемансо нервничает, выказывает раздражение против Соннино. Во время перерыва, за чаем, Клемансо приближается к Соннино и говорит ему: «Еще один день жизни, прошу вас! Я прошу у вас только одного дня!»

Соннино отвечает: «Я не дипломат, нет, но у меня есть одно качество: я искренен».